

Литературоведение

УДК 821.511.152-1.09(045)

А. А. Арзамазов

ПОЭТ ЭРЗЯНСКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АЛЕКСАНДРА ШАРОНОВА

В статье рассматривается стихотворное творчество известного эрзянского поэта и филолога, этнографа Александра Марковича Шаронова. В сферу исследования попал репрезентативный текстовый корпус, вошедший в сборник «Планета Эра» и охватывающий сорок лет литературной и научной жизни автора. Выявляется, что поэзия для А. М. Шаронова – одна из ключевых культурных форм этнической рефлексии, пространство конструирования этноутопических хронотопов. В своей стиховой действительности поэт апробирует собственные этнографические концепции, развивает гипотезу о разнородном родстве мордвы (эрзи) и русского народа. Прочитываются стихотворения геополитической тематики, включающие в себя индивидуально-авторское представление о современном мироустройстве, «полюсах» добра и зла. Особое внимание уделяется любовной лирике, для которой характерны тональность исповедальности, ностальгии, актуализация природно-пейзажного кода и этнической идентичности женского образа. Ставится вопрос о решении автора выбрать русский язык в качестве основного инструмента письма, критериях отождествления художественной модели мира писателя с национальной традицией. Поэтические практики А. М. Шаронова интересны и в сравнительно-сопоставительном аспекте, в контексте русскоязычного творчества других национальных писателей, представляющих народы России.

Ключевые слова: национальная литература, русский язык, эрзянская культура, фольклор, мифология, образная система, этнография, любовная лирика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-363-371

Одна из наиболее ярких индивидуальностей современного гуманитарного ландшафта Республики Мордовия – известный поэт и ученый-филолог, доктор филологических наук профессор Александр Маркович Шаронов (1942). Его многогранному научно-исследовательскому и поэтическому наследию должны быть посвящены отдельные монографии. Однако на фоне их несправедливого отсутствия важно проявить отдельные концептуальные темы, проблемные поля, сопряженные с художественным феноменом Шаронова, его этнографическими концепциями, преломленными в стихотворных текстах. Особенности творчества А. М. Шаронова правильно анализировать в контексте работ отечественных филологов, обращенных к мордовским / национальным литературам народов России, с учетом теоретико-методологического опыта, сфокусированного на этнической компоненте поэтического дискурса [Арзамазов А. А. 2022; Бахтикерева У. М. 2005; Жиндеева Е. А. 2006; Каторова А. М. 2013: 122–131; Лагунова О. К. 2007; Налдеева О. И. 2013; Султанов К. К. 2007; 2019].

Еще одно перспективное аналитическое направление *versus* стихотворения Шаронова – исследование языкового выбора, языковых «переключений» поэта. «Внутренняя» философия и внешние проекции русскоязычия А. М. Шаронова могут быть оценены в русле работ как российских, так и зарубежных лингвистов, литературоведов, специализирующихся на творческих «сдвигах» языков письма [Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. 2015, 298–303; Верещагин Е. М. 2014; Гируцкий А. А. 1990; Мазанаев Ш. А. 1997; Хугаев И. С. 2008; Хухуни Г. Т. 2018, 277–288; Sahnmann M. 2006, 342–352; Kellman S. G. 2019, 337–346]. Казалось бы, прекрасно ориентирующийся в эрзянской и мокшанской духовной культурах, фольклорно-мифологических концептосферах доктор филологических наук А. М. Шаронов должен писать на языке своего народа. В действительности всё оказалось намного сложнее. Шаронов своим творческим примером вновь подтвердил очевидную уязвимость мордовских (прежде всего – эрзянского) языков на фоне других языков Урало-Поволжья. Нельзя не заметить, что Александр Шаронов – представитель малочисленной этнической группы эрзян *шокиша*, говорящих на своем особом, существенно отличающемся от эрзянского литературного языка диалекте. Вероятно, это внутренняя генетическая связанность с «*шокиот*» воспрепятствовала литературному самовыражению по-эрзянски.

К отличительным граням поэтического творчества Александра Шаронова относятся большие размеры стихотворений. В его текстовом корпусе крайне редко встречаются миниатюры, небольшие стихи, лаконичные высказывания. Кажется, живущий высокими категориями эпоса автор «Масторавы» и не может писать иначе – лироэпические стандарты отвечают коммуникативному темпераменту, историко-культурному охвату, мифологической многомерности его художественных замыслов. Стихи А. М. Шаронова представляют интерес и как пространство нередко имплицитных рифморитмических особенностей. Очевидная поэтическая нацеленность на рифмовую прозрачность и простоту осложняется значительной текстовой протяженностью, продолжительностью однообразно-автоматизированного процесса рифмования, неизбежным возникновением специфических «осечек».

Отдельного упоминания заслуживает и принцип размещения стихотворений в анализируемой книге А. М. Шаронова «Планета Эра». Издание начинается с новых, последних текстов. Далее следуют произведения, написанные много лет назад. Между этими текстовыми группами имеются существенные интенциональные, эмоциональные различия. Складывается впечатление, что в стихах позднего Шаронова немало реакционности, радикальных выводов, дискуссионных предположений. Ранние стихи написаны в более миролюбивом ключе, еще без выстраивания жестких оппозиций и обозначения противостояний.

Следует признать, что Александр Шаронов – поэт ограниченного набора тем, однако каждая из них носит глобальный характер, провоцирует на субъективные оценки и альтернативные точки зрения, апеллирует к развернутым этнографическим картинам действительности, предполагает полемику, широту компараций. Произведения Шаронова можно / нужно рассматривать в проблемно-тематическом русле таких в функционально-содержательном плане недостаточно открытых категорий литературоведения как этнографизм, историзм, утопические хронотопы.

В художественном сознании Александра Шаронова не мог не найти выхода его многогранный научно-исследовательский опыт. Он ученый с разносторонними профессиональными интересами, увлечениями. Его работы неправильно квалифицировать *sub specie* конкретных областей знаний. Речь идет о взаимоналожении этнографии, «глубинного краеведения», истории, фольклористики, литературоведения. Все эти связанные между собой «специализации» высвечиваются на разных уровнях произведений и с той или иной интенсивностью проявляются в разные периоды творчества Шаронова. Его стихотворения – своеобразное закрепление отдельных концепций, историко-культурных представлений, этнографических гипотез. Иногда складывается впечатление, что поэтизация – один из важнейших для автора способов увековечивания знаковых понятийных конструкций.

Ключевой концепт поэзии А. М. Шаронова – **Русь-Эрзяния**. Этот мифологизированный топоним, локус регулярно актуализируется поэтом. По сути, Шаронов творчески создает новый стихотворно оформленный этнографический континуум. Им с большим поэтическим энтузиазмом, научным упорством конструируются контексты генетической и духовной, мировоззренческой сопряженности эрзян (мордвы) и русских. Нельзя не заметить, что такая этногражданская позиция в 1990-е – первой половине 2000-х годов была не самой популярной, не самой востребованной национальной интеллигенцией.

А. М. Шаронов в своем поэтическом творчестве отражает для многих неочевидно-неудобный опыт очень близкого соприкосновения финно-угров и славян. Для поэта-ученого стало очевидным, что «перетекание» финно-угров в русские – не только сценарий стирания культуры, драматический процесс языковых потерь, но и в некотором роде путь самоусиления народов, внутренний этноэкзистенциальный вектор, обусловленное историей пространство неоткрытых социогуманитарных возможностей, плодотворная реальность неосознанной самобытности. В поэтическом отображении А. М. Шаронова эрзяне и русские, финно-угры и восточные славяне выглядят как единый в плане духовного самопроявления, глубинных цивилизационных устремлений субстрат. Его важно принять, осмыслить, полноценно раскрыть. Эти интенсивно взаимодействовавшие земли, народы поэт именуется Белым Светом. И в таком символическом внимании к белому вновь просматриваются стержневые параллели в традиционном мировоззрении финно-угров и восточных славян.

Индивидуальный творческий проект сопряжения эрзяно-финно-угорского и славянско-русского, разумеется, представляет этнофилософский, этносоциологический интерес. Он мультипликативен в своих поэтических гранях воплощения, при этом чрезвычайно сложен в определении этнопсихологических феноменов, объективно-культурных позиций, аксиологических парадигм, полон противоречий, «опасностей». Отсюда – уход Шаронова в мифологические дали, погружение на большую глубину исторического времени. Сквозь призму прошлого создаваемая автором этнографи-

ческая картина кажется яркой и притягательно-убедительной, событийно насыщенной, легче понимаемо-принимаемой. Но если двигаться в сторону настоящего, отдельные ее «углы преломления» вызывают несогласие и прочитываются как ложные сюжеты искусственного сближения. Вместе с тем это авторский выбор, его собственные «мотивы мотиваций», от которых читателю не уйти.

А. М. Шаронов, исходя из своего понимания хода и кода истории, этногенетической «россыпи», в единую цепочку включает эрзян, русских, мерю, мешеру, чудь, весь и др.: «*Мы все есть Меря, Чудь и Весь. / От нас все русские истоки: / Язык, ум, музыка и песнь / И миром правящие боги. / От слова «Ерзя» вышла Русь / Без скифов и славянских уз. / В глазах у Мери синь и грусть / От светлых мыслей, добрых чувств...*» [Шаронов 2014, 43]. В результате подобных сложений, соединений финно-угорско-русские этнотерритории становятся по-настоящему огромными, обретают почти вселенские масштабы.

Художественным приемом высокой степени частотности в стихотворениях Шаронова является привлечение мифологических актантов широкого смыслового диапазона. Это и мордовские боги, взаимодействующие с миром людей, и представляющие древнерусский языческий пантеон божества. К ним добавляются и сказочные фольклорные восточнославянские персонажи, герои древнерусского былинного эпоса: «*От слова «Ерзя» слово «Русь». / От слова *tereys* слово «Меря». / В глазах у Мери синь и грусть, / В душе – в родного бога вера. / Великий Велес бог ее, / От бед и от врагов хранитель. / Ему подвластно в мире всё – / Богатство, / Мирный труд и битвы. / В Ростове гордо он стоит, / На Новгородском вече правит. / На Велесе вся Русь стоит / В довольстве полном и при славе. / При Велесе бог-гром Перун, / Подобный Зевсу громовержец. / Он не отступит, силой юн, / Каким бы ни был сильным «немец». / И Мокошь Мерю бережет. Растит детей, лелеет женщин» [Шаронов 2014, 42]; «*Жил Соловей- / Разбойник под Москвой. / Разбойничал порою, а, быть может, / Родную землю охранял и бой / Давал врагам, на силы тьмы похожим. / Был знатный воин он, и с ним никто / Не мог сравниться силой и отвагой. / Лишь Муромец Илья, как исцелился брагой, / Побил его однажды ни за что. / И так Эрзянь и Русь осиротил, / Оставил их без воина, который / Народ родимый истинно любил, / В нем усмирал кровавые раздоры. / Увы, увы, он, Муромец Илья! / Не ведал он, что Русь без Соловья / Как темный лес без волка и медведя, / Без них в нем быть усобицам и бедам. / Прошли века – и на Руси теперь / Ни Соловей, ни Муромец не в славе. / Ведутся здесь с миллионами потерь / Давным-давно бои без правил» [Шаронов 2014, 48].**

Такое многообразие имен не случайно. Автор, по-видимому, ставит перед собой цель задействовать большое количество этнографических маркеров, исторических контекстов, представить Русь-Эрзянию как особое духовное пространство живой культурной памяти. Мифология, фольклор, традиционная вера в стихотворном воплощении А. М. Шаронова – основы основ бытия народа, отдельно взятой этнической индивидуальности.

А. М. Шаронов особую значимость придает духовному наследию традиционной мордовской веры. И в целом – язычество для поэта понятнее и предпочтительнее, чем мировые религии. В его мировоззренческих посылах, ценностной системе, обрядовых практиках сохранился подлинный народный дух, там нет скрытых геополитических ориентиров, идеологических программ. Приверженность своим богам для автора – важное условие внутреннего этнического «полнокровия», особенно актуального в контексте не самых простых отношений с эрзянским языком. Это тот случай, когда, «все наши боги с нами и за нас» (С. М. Червонная): «*Я обычай предков не нарушу, / Не предаю свою родную веру. / Не пуцую чужого бога в душу, / Бог чужой в ней будет хуже зверя. / Буду я Чам-Пасу поклоняться, / Стану возносить ему молитвы. / С ним с любым врагом смогу сражаться, / С ним любые выиграю битвы. / Мой Чам-Пас – мой мир в красе нетленной, / Люди, что со злом не водят дружбу; / Мой Чам-Пас – гармония Вселенной, / Люди, что добру лишь служат службу. / Я с родимой верой – дуб могучий. / Мимо пронесутся ураганы. / Даже если окажусь над кручей, / Не свалюсь на смех врагам незванным...*» [Шаронов 2014, 8].

В творчестве А. М. Шаронова не обходится без стихотворений, выражающих авторскую любовь к родному краю. И среди таких произведений имеют место не только произведения, написанные с большим этнографическим пафосом и стремлением при помощи разнообразных гипотез расширить этническую панораму, но и стихи более личного плана, сентиментальные, пронизанные невосклицательным, «человеческим» патриотизмом. Тема малой родины / родного края – одна из продуктивных в национальных литературах народов Поволжья, Приуралья. Максимальной концентрации художественного звучания эта тема (*туган як*) достигает в татарской словесности, и факт ее повсеместной представленности можно расценивать как заслуживающую исследовательского внимания этнопсихологиче-

скую проекцию, артикулирующую глубинную духовную связанность татар с родной землей, деревней (*туган авыл*), определенным укладом жизни. В мордовской поэзии (особенно – современной) родные места воспеваются ощутимо реже, с меньшей эмоционально-экзистенциальной вовлеченностью этнофора. Шаронов – убедительное исключение из правил: *«Я никуда не уйду с тех мест, / Где был рожден, где вырос, где живу. / Всё в диво мне, когда гляжу окрест, – / Поля, луга, одетые в траву, / Леса, где сосны встали до небес, / И реки, что текут до самой Волги... / Всё бесконечно нравится мне здесь, / Ничто не стало скучным и убогим. / Здесь с каждым днем красивее земля. / Здесь с каждым днем синей и выше небо. / Здесь с каждым днем погожее и я, / Который никогда в раздоре с ними не был. / Ты мера всех красот, родимый край. / С тобой в разлуке на душе нет света. / Покроется туманом синий май, / Без красных зорь начнут всходить рассветы. / Войду я в речку Шокишу, окунусь / И, родниковой водой омытый, / Я словно заново рожусь / Красивый, молодой, душой и телом чистый. / Прошло – не сосчитаю! – сколько лет, / Как я с тобой, туземец твой, живу. / Ты для меня, мой край, весь Белый Свет, / Где боги к людям сходят наяву»* [Шаронов 2014, 45].

Один из ключевых «шароновских» мотивов – ценностная противопоставленность прошлого и настоящего. У данной художественно реализуемой конфликтогенной оппозиции множество проблемно-тематических подтекстов, социопсихологических аргументаций, тонких когнитивных нюансов. Творческому человеку, интеллектуалу, сформировавшемуся в Советском Союзе, с одной стороны, очень непросто было смириться с крушением страны, идеологического фундамента, принять новые – во многом совершенно противоположные нравственные послылы и доминанты поведения, войти в хаос новой эпохи. С другой, появилась возможность почти неограниченных этнических репрезентаций, разноаспектных манифестаций национальной самобытности. Следует признать, такая «захватывающая» свобода продлилась недолго, полного удовлетворения представителям этноинтеллигентского истеблишмента не принесла. Вероятно, отсюда в стихах Шаронова немало взаимоисключающих элементов, очевидно противоречивого, сложно совместимого: искренняя, отсылающая к годам молодости поддержка идеологизированного социалистического мироустройства и «взрослое», поэтому негромкое признание его перегибов и «тупиков», открытый дискурс неприятия меркантильности, подобострастного «западничества» эпохи «парада суверенитетов» и понимание неизбежности многих случившихся в это время экономических реформ, геополитических поворотов, важности этнических активностей и «возвращений», повсеместно декларируемая «эрзянскость» и согласие с «переходом» в русских, апелляции к мордовским богам и компромиссно-уважительное отношение к православию. Упомянутые и оставляемые в стороне «рельефы» индивидуально-авторского восприятия, сочетаемость несочетаемого как минимум говорят об обилии и интенсивности внешних вызовов и внутренних трансформаций. Шаронов – поэт не компромиссов, а сопротивления, «острых углов» жизни.

Одна из поэтических реализаций темы этнического происхождения / проявления – констатация сложного, «сборного» генетического устройства, упоминание о наличии крови разных народов: *«О, сколько голосов звучит во мне! / Народ разноязыкий слово просит. / То гот, то балт, то росс заговорит, / То эрзянин поет про Мастораву, / То цудей напомним, что и он / Живет в моей душе, в крови и в мыслях, / То римлянин проснется и про Рим / Расскажет, о его великой славе, / Что некогда мы были с ним в родстве, / Но гунны нас по свету разбросали; / И финн порою голос свой подаст, / К покою тихому склоняя. / Я многолик, но в разуме един. / И потому одну имею душу. / Но как Европы древний сын, в себе / Гвалт голосов ее вседневно слышу»* [Шаронов 2014, 73].

По-видимому, автору важно на примере отдельно взятых людей продемонстрировать этнически многомерную природу российской нации. Именно такой исторически предопределенной «кровной» полифонией можно объяснить и «разновекторность» ментальности россиян, и плодотворное сосуществование противоположных мировоззренческих начал, и подлинную конкурентоспособность отечественной культуры.

Сочетание разных кровей в стихотворении «В Инсаре» [Шаронов 2014: 199–200] оказывается таинственным слагаемым привлекательности, сексуальной притягательности женщины-мокшанки. Кажется, что эта подчеркнутая, обнаруженная мужским персонажем «этническая смешанность» случайно-неслучайной подруги трогает его больше всего. Произведение выигрышно отличается от некоторых других «соседних» стихов погружающими в многообещающую импровизацию флирта личностно-мемуаристскими интонациями, выразительным в контексте наивно-диких обыкновений провинциального городка любовно-сентиментальным фоном. Рассматриваемый текст свидетельствует о том, что стихи о любви являют собой один из художественно оригинальных, раскрывающих авторский талант срезов творчества А. М. Шаронова.

В целой серии стихотворений А. М. Шаронов призывает Россию, русский народ вернуться к своим финно-угорским истокам. Это стало бы выходом из затяжного духовного кризиса, спасительным и естественным выбором.

Одна из центральных тем поэзии Александра Шаронова – судьбы России. Его категорически не устраивает местоположение страны на геополитической карте мира постсоветского времени. В системе координат Шаронова Россия – целая вселенная, которая должна жить по своим собственным законам, своим разумом, опираться на свои исконные ценности и обыкновения. Для российской цивилизации трагедия – стать / быть «трафаретным государством»: *«По людям пушки бьют. / С Нью-Йорком сравнивают рост / Санкт-Петербург, Москва. / Как будто их попутал Черт, / Засев в их головах. / Как им свой разум изменить, / К России стать лицом / И вновь по-муромски зажечь / С Ильей и Соловьем? / Увы! Увы! Но могут вновь / Владимир и Ростов / Вернуть нам русскую любовь, / Призвав к себе Тамбов. / Мы можем снова Русью стать, / Зажив своим умом. / Тогда вновь с неба благодать / Сойдет живым огнем...»* [Шаронов 2014, 34].

В одном из стихотворений поэт призывает на помощь современной России мордовского князя Пургаса, в другом утверждает, что Россию, Русь покинул Бог, в третьем проводит параллель с СССР, не в пользу современной России, которую никто не боится. Текстов, написанных в «ритме» разочарования, неоправданных надежд и ожиданий в книге *«Планета Эра»* очень много: *«Я слышу конский топ на Волге и Оке. / Всё ближе он и с каждым днем тревожней. / Кто скачет там с булавою в руке / Дорогой, может быть, пустопорожней? / Кто будит вековую тишину? / Кто к небесам вздымает пыль земную? / А, может, хочет он начать войну / За сторону свою родную?.. / Неужто это гордый князь Пургас, / Тринадцатый век роковой покинув, / Желает доскакать до нас, / Нам глядя из времен минувших в спину? / Неужто видит он – идут монголы, / И надо Русь от врагов спасти? / Иль видит он, как села наши голы, / Бурьяном буйным стали зарастать? / Всё видит он, великий князь Пургас, / И потому, прервав сон занебесный, / В век 21-й скачет, чтобы нас / Спасти от гибели вселенской. / Всё ближе конский топ. Уж вижу я / В ночной дали огни в глазах Пургаса, / Они кричат: «Живи, о, Русь, моя, / Для звездного, но уж другого, часа!...»* [Шаронов 2014, 44–45].

В своих произведениях А. М. Шаронов щедр на упоминание врагов России. Их имена произносятся громко и часто – они ни в коем случае не должны быть забыты. Враги у России есть внешние и внутренние. Речь идет о конкретных странах и политических деятелях, разваливших великую страну. Особенно достается цивилизации, странам Запада, олицетворяющим в восприятии эрзянского поэта коллективное зло. Поддерживающие политику США, Европы российские политики 1990-х удостоиваются самых уничижительных оценок.

Стихотворения, обращенные к любовным переживаниям, составляют в поэтических книгах А. М. Шаронова видный, значимый пласт. Они преимущественно расположены в финальной части книг, когда ослабевают этнографические, исторические контексты и на первый символический план выходят не меркнувшие за далью лет воспоминания любви. Следует заметить, эти тексты несколько контрастируют с образом солидного, увлеченного научными изысканиями профессора. Вместе с тем они пронизаны всё теми же «шароновскими» жаждой жизни, экспрессивностью миропознания. Лирический герой-мужчина в стихах Шаронова не может остановиться в своих любовных порывах – ему мало только одной возлюбленной. Он сомневающийся и самоуверенный одновременно, порывисто-импульсивный, часто живущий двойной, тройной жизнью, готовый одарить своим мужским вниманием каждую женщину. При некоторой наивности большинства любовных стихотворений Шаронову удается донести до читателя и боль разлук, разочарований. Любовные истории в произведениях Александра Шаронова не бывают простыми, идеальными – часто это половинчато-мучительное чувство, обманывающее иллюзией взаимности. Любовь – это и путь длиною в жизнь, и «вспышки» свиданий, в иных ситуациях неприемлемая для автора возможность потерять себя. Проанализированные любовные сюжеты или ретроспективны, как бы воспроизводят ситуации молодости, или это своеобразная фиксация синхронии переживаемого, изображение любви в разнообразных ее проявлениях здесь и сейчас. Обращает на себя внимание и то, что автор словно преподносит воспринимающей стороне свой донжуанский список, оперирует именами, обозначает некие количественные параметры. К слову, магия цифр, чисел привлекает, символически волнует поэта. Так, «Я»-субъект нередко напоминает о некоторых возрастных «порогах», важных в контексте взаимоотношений мужчины и женщины (двадцать, сорок, сорок восемь, пятьдесят лет). В стихотворениях о любви у Шаронова образ девушки / подруги выписан с разной степенью подробности. Иногда возлюбленная эфемерна, и реципиент лишь силой своего воображения может «реконструировать» всю ее психологическую

сложность и внешнюю красоту. В других случаях женский персонаж «погружен» в автобиографическую конкретику – перед читателем возникает живой образ, явленный в движениях внешних и внутренних. В любовной лирике А. М. Шаронова остроту, масштабность переживаний передают природные символы, развиты образно-ассоциативные параллели, отражающие палитру любовной экзистенции. Возлюбленные нередко соотносятся с мифологическими персонажами, олицетворяющими женское начало, женский мир (древнегреческая Афродита, мордовская Анге). Приведем наиболее яркие образцы его стихотворений о любви: «*Наступит май – и будет вновь весна. / В Артанию вернутся журавли. / Но снова ты останешься одна, / Живя от суеты земной вдали. / Не встанут розы там, где ты пройдешь, / Не заалет красным цветом луг, / Покуда кровь из сердца не прольешь / На боль моей любви, на вопли мух. / Скорее укрощенной стань змеей, / Дающей исцеляющий мне яд. / Приди и, как жена, живи со мной, / Преодолей моих смятений ад*» [Шаронов 2014, 205]; «*Ты летний дождь в январские морозы. / Ты снег с небес в июльскую жару. / Ты из-под снега выросшие розы, / Которые, как варвар, я сорву. / Вчера на небесах явился ангел / И возвестил: «Идет к тебе любовь, / Ты несказанно будешь счастлив новь, / Она прекрасна и мила как Анге»*» [Шаронов 2014, 200].

Один из регулярных мотивов в поэзии Александра Шаронова – мотив пути, дороги. Лирический герой в своих размышлениях, воспоминаниях, любовных и этнографических поисках перемещается от одного топоса к другому, движется из прошлого в настоящее и возвращается обратно. Главной становится дорога домой – на свою эрзянскую родину, малую и большую, реальную и глобально-мифологическую. Примечательно, что в тексте «В дороге» былой этнографический энтузиазм относительно русско-мордовского симбиоза неожиданно уступает место тихим, но прочным сожалениям – эрзянское стало российским: «*Знойный полдень. Стоят в полудреме деревья / Вдоль дороги-тоски из «мордвы» на Эрзянь. / По забытым следам к милой родине древней / Я иду, как когда-то мой предок Тюштянь. / Меня тянет туда. Нет в душе другой воли. / Хоть минуло с тех пор уже тысячу лет, / Как российским зовется эрзянское поле / И земля не хранит моих предков завет...*» [Шаронов 2014, 169].

Дорога в Москву (см.: «Поездка в Москву» [Шаронов 2014, 177–179]) – большое стихотворение, посыл которого видится спорным, трагичным, даже – провокативным. Автору, остро переживающему катаклизмы постсоветского времени, кажется, что в современной России почти не осталось настоящих русских. Они словно растворились, исчезли под руинами Советского Союза. Важно подчеркнуть, что это беспокойство о судьбах русского народа, охватившее представителя другого этноса – прецедент не единичный. Так, корякский русскоязычный поэт Владимир Коянто (см.: [Арзамазов 2021, 185]) в своем творчестве неоднократно касался этой острой этносоциальной темы – ему также внезапно стало не хватать русских на необъятных территориях родины. По всей вероятности, речь может идти о логически еще неоформленных, интуитивных, не поддающихся четкому выражению реакциях, ощущениях, продиктованных радикализацией межэтнической повестки, растерянностью перед интенсивностью «парада суверенитетов». В художественном преломлении некоторых писателей, в этногуманитарных дискурсах постсоветского пространства именно русские по целому ряду параметров оказались в наиболее уязвимом положении, стали объектом ненависти, адресатом обвинений. И дорога-поездка в Москву «за русскими» у Шаронова полна неутешительных выводов, печальных открытий – русский человек, русский народ больше, чем другие, утратили свою стержневую самобытность, в цивилизационном, социально-экономическом плане проиграли.

В книгу «Планета Эра» вошло немало стихотворений, относящихся к раннему периоду творчества А. М. Шаронова. Некоторые тексты датируются концом 1950–1960-ми годами. Очевидно, что эти произведения, их проблематику и символику естественно было бы рассмотреть, актуализируя культурный ландшафт советской литературы эпохи «оттепели». Важно подчеркнуть, что многое из написанного в обозначенный временной отрезок лишено фрагментов идеологической ангажированности, как будто поэт жил и писал в свободном от соцреалистических предписаний пространстве, здесь нет никаких следов советской мирореальности. Применительно к ранним стихам Шаронова предположительно можно говорить о распространенном в измерении литературы приеме мифологизации хронологии текстов, когда даты их создания специально искажены, а произведения на самом деле написаны раньше или позже. Об этом могут свидетельствовать именно повсеместно эксплицируемая несоветскость внутрстиховой действительности, фольклорно-мифологическая акцентированность многих лирических сюжетов, героев.

Поэтическое творчество А. М. Шаронова представляет значительный аналитический интерес своими разными гранями. Его стихотворения – пример художественной трансляции этнически марки-

рованных тем, проблем, символов на русском языке. Создавая свои тексты по-русски, поэт не порывает с художественными истоками, мифологией, фольклором мордвы-эрзи. Напротив, складывается видимость усиления этнокультурной компоненты. Вместе с тем стихотворения Шаронова оцениваются не всегда с точки зрения их поэтической выразительности, могут прочитываться как пространство преломления научных гипотез, репрезентации альтернативной истории, этнографии. Поэтическое творчество А. М. Шаронова, экспрессивность отдельных его высказываний свидетельствуют о болезненном восприятии постсоветской эпохи. «Парад суверенитетов», вопреки ожиданиям, не приносит этнофору подлинной свободы самовыражения, оставляет представителей национальной гуманитарной интеллигенции наедине с большим количеством социальных, экзистенциальных проблем.

Поэзия А. М. Шаронова – поэтически самобытное проявление эрзянско-русского патриотизма, основанного на сложной истории многовекового сближения двух народов, их этнокультур, языков. Вместе с тем его художественный мир полон парадоксов, противоречий, оппозиций, существенно усложняющих опыт прочтения произведений, их смысловых посылов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамазов А. А. Литература народов России: Литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. М.: Юрайт, 2021. 248 с.
- Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: Издательство АН РТ, 2022. 316 с.
- Бахтикереева У. М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М.: Изд-во «Триада», 2005. 192 с.
- Валуицева И. И., Хухуни Г. Т. Литературный билингвизм: за и против // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 298–303.
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с.
- Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск: Университетское, 1990. 175 с.
- Жиндеева Е. А. По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева. 2006. 168 с.
- Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1 (25). С. 122–131.
- Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 258 с.
- Мазанаяев Ш. А. Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур. Махачкала: Юпитер, 1997. 262 с.
- Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 285 с.
- Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
- Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008. 559 с.
- Хухуни Г. Т. Литературный билингвизм: прошлое и настоящее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 277–288.
- Шаронов А. М. Планета Эра: стихи, поэмы, повести, рассказы. Саранск: Лит. фонд России, 2014. 544 с.
- Sahnmann M. Reading, Living, and Writing Bilingual Poetry as ScholARTistry in the Language Arts Classroom // Language Arts. March 2006, Vol. 83 Issue 4. Pp. 342–352.
- Kellman S. G. Literary translanguaging: What and why? // Polilinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 337–346.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Арзамазов Алексей Андреевич,
доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10
E-mail: arzami@rambler.ru

A. A. Arzamazov

**POET OF THE ERZYA-RUSSIAN BORDERLAND:
THE ARTISTIC WORLD OF ALEXANDER SHARONOV**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-363-371

The article deals with the poetry of the famous Erzya poet and philologist, ethnographer Alexander Markovich Sharonov. The representative text corpus included in the collection “Planet Era” covering forty years of the author's literary and scientific life fell into the scope of the study. It is revealed that poetry is for A. M. Sharonov one of the key cultural forms of ethnic reflection and the space for constructing ethno-utopian chronotopes. The poet tests his own ethnographic concepts, develops a hypothesis about the kinship between the Mordvins (Erzya) and Russians in his poetic reality. Poems dedicated to the geopolitical theme, including individual author's ideas about the modern world order, about the poles of good and evil, are revealed. Particular attention is paid to love lyrics, which are characterized by confession, nostalgia, the actualization of the natural landscape code and the ethnic identity of the female image. The article raises the question of the author's decision to choose Russian as the main language, the criteria for identifying the artistic model of the writer's world with the national tradition. Poetic practices of A. M. Sharonov are also interesting in a comparative aspect with the Russian-language works of other national writers representing the peoples of Russia.

Keywords: national literature, Russian language, Erzya culture, folklore, mythology, figurative system, ethnography, love lyrics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 363–371. In Russian.

REFERENCES

- Arzamazov A. A.** *Literatura narodov Rossii: Literatura narodov Krainego Severa i Dal'nego Vostoka* [Literature of the peoples of Russia: Literature of the peoples of the Far North and the Far East]. Moscow: Yurait Publ., 2021. 248 p. In Russian.
- Arzamazov A. A.** *Mariisko-udmurtskie poeticheskie paralleli i kontrasty. Opyt komparativnogo prochteniya* [Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience]. Kazan: Izdatel'stvo AN RT Publ., 2022. 316 p. In Russian.
- Bakhtikereeva U. M.** *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': natsional'nyi russkoyazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta* [Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and peculiarities of his Russian literary text]. Moscow: Izd-vo «Triada» Publ., 2005. 192 p. In Russian.
- Valuitseva I. I., Khukhuni G. T.** Literaturnyi bilingvizm: za i protiv [Literary bilingualism: pros and cons] // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialties]. 2015. Issue 5. Pp. 298–303. In Russian.
- Vereshchagin E. M.** *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (Bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of dual-language speaking (Bilingualism)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2014. 162 p. In Russian.
- Girutskii A. A.** *Belorussko-russkii khudozhestvennyi bilingvizm: tipologiya i istoriya, yazykovye protsessy* [Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, linguistic processes]. Minsk: Universitetskoe Publ., 1990. 175 p. In Russian.
- Zhindeeva E. A.** *Po koordinatam zhizni. Evolyutsiya russkoyazychnoi prozy Mordovii* [According to the coordinates of life. The evolution of Russian-language prose of Mordovia]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M. E. Evsev'eva Publ. 2006. 168 p.
- Katorova A. M.** Osnovnye napravleniya razvitiya mordovskoi literatury v nachale XXI v. [The main directions of development of Mordovian literature at the beginning of the XXI century] // *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2013. Issue 1 (25). Pp. 122–131. In Russian.
- Lagunova O. K.** *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Y. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta Publ., 2007. 258 p. In Russian.
- Mazanaev Sh. A.** *Dvuyazychnoe khudozhestvennoe tvorchestvo v sisteme natsional'nykh literature* [Bilingual artistic creativity in the system of national literatures]. Makhachkala: Yupiter Publ., 1997. 262 p. In Russian.
- Naldeeva O. I.** *Sovremennaya mordovskaya poeziya: osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry: monografiya* [Modern Mordovian poetry: main trends and artistic guidelines: monograph]. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2013. 285 p. In Russian.

Sultanov K. K. *Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World. Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 302 p.

Sultanov K. K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [Angle of refraction. Literature and identity: a communicative aspect]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2019. 352 p. In Russian.

Khugaev I. S. *Genezis i razvitie russkoyazychnoi osetinskoj literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz: Ir Publ., 2008. 559 p. In Russian.

Khukhuni G. T. Literaturnyi bilingvizm: proshloe i nastoyashchee [Literary bilingualism: past and present] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialties]. 2018. Vol. 15. Issue 2. Pp. 277–288. In Russian.

Sharonov A. M. *Planeta Era: stikhi, poemy, povesti, rasskazy* [Planet Era: verses, poems, novellas, short stories]. Saransk: Lit. fond Rossii Publ., 2014. 544 p. In Russian.

Cahnmann M. Reading, Living, and Writing Bilingual Poetry as ScholARTistry in the Language Arts Classroom // *Language Arts*. 2006, Vol. 83 Issue 4. Pp. 342–352. In English.

Kellman S. G. Literary translanguaging: What and why? // *Polilinguality and Transcultural Practices*. 2019. Vol. 16. Issue 3. Pp. 337–346. In English.

Received 31.03.2023

Arzamazov Alexei Andreevich

Doctor of Philology

Professor of the Department of Russian language
and intercultural communication

Institute of the Russian Language

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

E-mail: arzami@rambler.ru